

№№ 24-25

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Черноземная равнина. Модеста Богданова.—II. Нива. (Стих. А. Майкова).—III. Жатва. (Изъ записокъ Багрова-внука).—IV. Лѣсъ. * *—V. Роща. (Стих.). Н. Панова—VI. Бабушка.

ЧЕРНОЗЕМНАЯ РАВНИНА— ЖИТНИЦА РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

ПОЙДЕМЪ внизъ по оврагу. Онъ выведетъ насъ въ долину рѣчки. Пойдемъ внизъ по ея теченію. Рѣчка вывела въ долину большой рѣки. Поплывемъ мы по рѣкѣ—она принесетъ насъ въ море. Изучивъ оврагъ, намъ легко понять какъ образовалась эта сложная система ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ, по которымъ вода съ поверхности почвы, изъ

озеръ и болотъ, изъ нѣдръ земли течетъ безостановочно по равнинамъ въ окрестныя моря.

Присматриваясь внимательно къ тѣмъ струйкамъ дождевой воды, которыя мы прудили на улицѣ, припомнивъ исторію врага—мы поймемъ, что широкія, глубокія долины великихъ и малыхъ рѣкъ произошли изъ тѣхъ же овраговъ, что это обширные и наиболѣе старые овраги, что слѣдовательно надъ этими оврагами, т. е. долинами рѣкъ, вода работала дольше. И дѣйствительно долины рѣкъ черноземной области, въ сравненіи съ рѣками другихъ равнинъ, отличаются особымъ характеромъ. Онѣ широки и глубоки. Правый берегъ долины большихъ и среднихъ рѣкъ возвышенъ и крутъ, спускается прямо къ рѣкѣ; лѣвый берегъ, напротивъ, отлогъ и удаленъ отъ рѣки, иногда на нѣсколько верстъ; между нимъ и рѣкой лежитъ ровная низменность—называемая заливной равниной. Заливная равнина называется такъ потому, что каждую весну въ половодье рѣка заливаетъ ее. Безчисленныя озерки покрываютъ эту равнину. И всѣ они обыкновенно имѣютъ удлинненную форму, протягиваясь по направленію теченія. Иныя изъ нихъ своимъ нижнимъ концомъ даже соединяются съ рѣкой—и въ такомъ случаѣ называются (на Волгѣ) затонами. Глухія же, не соединяющіяся съ рѣкой, озерки зовутся старицами. Вотъ почему, протекая по заливной равнинѣ, рѣки съ теченіемъ времени засариваютъ свои русла мѣстами и прокладываютъ новыя; засоренныя же русла отдѣляются отъ рѣки и образуютъ затоны, а затѣмъ и старицы.

Между затонами, старицами и рѣкой почти въ каждой рѣчной долинѣ есть высокія гряды, поднимающіяся на нѣсколько сажень надъ заливной равниной. Онѣ тянутся непрерывно вдоль рѣки, иногда на нѣсколько сажень, иногда на полверсты, на версту. Во время половодья вода не затопляетъ ихъ, и онѣ остаются островами на широкомъ разливѣ. На Волгѣ такія гряды зовутъ гривами. Онѣ всегда поростають лѣсомъ и кустами, тогда какъ заливная равнина

покрыта роскошной травяной растительностью, и кромѣ таловъ и ивъ на ней не растутъ деревьевъ. Эти травяныя равнины народъ зоветъ поймой, поемными или заливными лугами, оттого, что каждую весну ихъ заливаютъ рѣка. Всходы древесныхъ растеній (кромѣ ивъ) во время водополья вымываютъ и гибнутъ, за то луговые травы послѣ спада водъ вырастаютъ съ изумительной быстротой и достигаютъ очень большаго роста. Здѣсь невозможно хлѣбопашество, особенно на большихъ рѣкахъ; гдѣ разливы бываютъ поздно (въ апрѣлѣ и маѣ). Поэтому рѣчная равнина менѣе всего поддается измѣняющему вліянію человѣка. Онъ можетъ вырубить лѣсъ на гривахъ, но на влажной почвѣ быстро вырастутъ новые древесные побѣги и снова грива одѣлается косматой, зеленой шапкой кустовъ; онъ скоситъ траву, но стада его до глубокой осени не въ состояніи поѣсть молодую атакву, которая такъ и лѣзетъ изъ влажнаго, тучнаго наноса. Урожаи хлѣбовъ были бы баснословные на поемныхъ лугахъ, еслибъ человѣкъ могъ оградить поля отъ полой воды; а этого-то онъ и не въ силахъ сдѣлать. Вырубить человѣкъ въ окрестной странѣ лѣса, превратитъ порубы и степи въ одно сплошное поле—все измѣнится: и растительный, и животный міръ; исчезнетъ множество растеній и животныхъ нѣкогда обитавшихъ тутъ, а природа рѣчной долины, благодаря разливамъ, удержитъ свой старый, вѣковѣчный пейзажъ, свой богатый міръ растеній и животныхъ, которому нестрашна разрушительная дѣятельность человѣка. Богатство жизни въ рѣчной долиנѣ замѣчательное. Но... объ этомъ дальше. Будемъ послѣдовательны, иначе многое не узнаемъ, многое пропустимъ безъ вниманія.

Пока мы все говорили только о рельефѣ равнины. Подъ словомъ равнина разумѣется ровная площадь земной поверхности, гдѣ не вздымаются высокія, утесистыя горы. Русская черноземная равнина именно такова. Но ее бороздятъ овраги и глубокія долины рѣкъ. Когда мы выберемся изъ долины рѣки, изъ оврага на верхъ на ровную площадь, и

здѣсь не найдемъ хотя бы нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, которыя имѣли бы видъ совершенно ровной, горизонтальной площадки; и здѣсь, непремѣнно, есть впадинки и окружающія ихъ возвышенія. Въ этихъ впадинахъ часто попадаются круглыя, или округленныя болотца. Такія впадинки и болотца попадаютъ по всей черноземной равнинѣ, но на югѣ ихъ меньше, въ сѣверной полосѣ больше. Эти впадинки или котловины нельзя оставить безъ вниманія. Выше мы сказали, что черноземная равнина бѣдна озерами. Большихъ озеръ, какъ Ладога, Онега и т. п., на ней и вовсе нѣтъ. Мелкихъ озеръ сравнительно съ сѣверной равниной мало. Это, вмѣстѣ съ оврагами, немаловажный признакъ старости черноземной равнины.

Было время, когда всѣ эти впадины и котловины были озерами, да еще солеными озерами, но вѣтеръ суховѣй въ союзѣ съ солнечнымъ лучемъ повысушили ихъ. Снѣговые и дождевые потоки постоянно пополняли убыль воды въ озерахъ, но расходъ ея испареніемъ былъ больше, и въ теченіе ряда вѣковъ озера усыхали, мелѣли, превращались въ кочковья болота, а затѣмъ и слѣдъ ихъ исчезалъ. Только весна на нѣсколько недѣль ежегодно возстановляетъ картину далекаго былого, затопляя болотца и превращая ихъ въ озерки. Между подобными озерами были однако иныя очень глубокія, въ которыхъ вода не нагрѣвается такъ сильно какъ въ мелкихъ, которыя защищены холмами, лѣсами отъ иссушающаго вліянія вѣтра. Такія озера поэтому долговѣчнѣе, но и они исчезли во множествѣ, и ихъ осталось уже очень мало. Эти озера, кромѣ высыханія, уничтожаются еще инымъ способомъ. Въ водѣ озеръ живетъ не мало водяныхъ растеній: водоростей и явнотныхъ. При благопріятныхъ условіяхъ эти растенія разрастаются и образуютъ въ водѣ густыя заросли. Отжившія растенія умираютъ, разлагаются и образуютъ илъ, отлагающійся на днѣ. Слой ила постепенно растетъ и озеро мелѣетъ. Благодаря бурому, темному цвѣту ила вода озера нагрѣвается сильнѣе, а потому сильнѣе идетъ

и испареніе съ поверхности. Такъ что подъ вліяніемъ этихъ условій каждое глубокое озеро постепенно превращается въ мелкое и наконецъ высыхаетъ. Но есть еще процессъ, которымъ глубокое озеро уничтожается быстрѣе. Многія водяныя растенія, умирая, всплываютъ къ поверхности, на нихъ развиваются новыя растенія, образуется плавучій зеленый островокъ, состоящій изъ живыхъ и мертвыхъ растеній. Вѣтеръ прибьетъ островокъ къ берегу, другія растенія укрѣпятъ его тутъ; и постепенно такіе островки, прислоняясь къ берегамъ, образуютъ около нихъ зеленое кольцо изъ такъ называемаго плавучаго торфа. Онъ не тонетъ въ водѣ, но такъ рыхлъ, что не держитъ даже маленькаго звѣрка. Постепенно этотъ плавучій торфъ растетъ въ толщину и въ ширину, захватывая все болѣе поверхность озера; онъ дѣлается плотнѣе и на поверхности его появляется другая флора: на трупахъ водорослей и водяныхъ растеній поселяются мхи; а на нихъ въ свою очередь впослѣдствіи поселяются сухопутныя растенія и даже деревья. Такъ образуется то, что называютъ трясиной, она колыхается подъ ногами и небезопасна для ходьбы. Мѣстами на трясинѣ попадаютъ такъ называемыя окошки. Ихъ не замѣтишь съ разу, потому что поверхность ихъ замаскирована зеленымъ ковромъ растеній. Но горе неосторожному, если онъ ступитъ на предательскую зелень—сразу уйдешь въ черную, вонючую, жидкую грязь, уйдешь пожалуй совсѣмъ съ головой и аминь, если не спасетъ случай. Выбраться изъ этой бездонной грязи нельзя, потому что нѣтъ кругомъ окошка ничего твердаго, за что бы схватиться руками. Одно спасеніе если есть шесть, который можно положить поперекъ окошка, концами на плавучій торфъ, и по немъ кое-какъ выбраться изъ грязи; или кто нибудь успѣетъ вытащить. Время идетъ, плавучій торфъ окончательно покрываетъ все озеро сплошь, отъ перегниванія цѣлаго ряда растительныхъ поколѣній онъ утолщается, опускается на дно отъ собственной тяжести, вода снова вырывается окошками наружу, и снова выступаетъ чистая водная поверхность озера,

но на долго ли. Опять постепенно образуется плавучій торфъ; снова захватываетъ онъ водную поверхность; и въ концѣ концовъ глубокое озеро превращается въ торфяникъ, похожій снаружи, т. е. съ поверхности, на любое болото. Но и болота не вѣчны. Растенія населяющія ихъ, образующія кочки, умирая, оставляютъ перегной, налегающій на чистый водный торфъ. Слои перегной растутъ, плотнѣютъ, и болотистая поверхность обсыхаетъ въ конецъ, не отличаясь ничѣмъ уже отъ поверхности окрестныхъ склоновъ твердой суши. Такъ исчезли множество озеръ на черноземной равнинѣ, оставивъ на ней торфяники, имѣющіе глубокой историческій интересъ. При разработкѣ торфа находятъ множество костей животныхъ и человѣка, его орудія, стволы деревьевъ и т. п. нѣкогда утонувшихъ въ окошкахъ трясины; а по этимъ остаткамъ можно составить понятіе о бывшихъ обитателяхъ страны.

Займемся теперь почвой—знаменитымъ черноземомъ. Болѣе ста лѣтъ назадъ эта почва поразила своей оригинальностью и плодородіемъ извѣстнаго ученаго путешественника Палласа. Въ Германіи и вообще въ западной Европѣ чернозема нѣтъ, поэтому впечатлѣніе произведенное имъ на Палласа громадно. Не зная, что такое черноземъ, Палласъ высказалъ предположеніе, что это перегнившіе остатки водорослей моря, нѣкогда покрывавшаго русскую равнину. Но это предположеніе оказалось ошибочнымъ, уже потому, что съ водорослями остались бы послѣ моря раковины жившихъ въ немъ моллюсковъ, а раковинъ морскихъ въ черноземѣ нигдѣ не найдено.

Потомъ предполагали, что въ ледниковый періодъ, вслѣдствіе сильной влажности воздуха, всю русскую равнину покрывалъ сплошной торфяникъ, превратившійся потомъ въ слой чернозема. Но и эта гипотеза оказалась ложной.

Теперь мы знаемъ отчетливо какъ образовался черноземъ. Это ничто иное какъ перегнившіе остатки наземныхъ, сухопутныхъ растеній,—травянистыхъ и древесныхъ,—на-

копившіеся въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ когда равнина вышла изъ-подъ уровня моря и сдѣлалась сушей. Отчего нѣтъ чернозема въ другихъ странахъ Европы?—очень просто: равнины всего сѣвера ея недавно еще были покрыты моремъ, горы—громадными ледниками, и для образованія чернозема не было еще достаточно времени. Тѣмъ интереснѣе наша старушка—черноземная, сдѣлавшаяся сушей въ отдаленныя времена, по крайней мѣрѣ въ срединѣ третичнаго періода. Много смѣнилось на ней растеній и животныхъ, какъ увидимъ потомъ; десятки народовъ и племенъ попеременно овладѣвали ею, истребляя или порабощая своихъ предшественниковъ, и въ свою очередь гибли отъ нашествія новыхъ завоевателей. Исторія захватываетъ событія, совершившіяся на этой равнинѣ, только въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ, а она пережила десятки такихъ тысячелѣтій. И въ этотъ короткій срокъ одного тысячелѣтія сколько переменъ произошло въ населеніи равнины. Хазары, печенѣги, половцы, татары, русскіе—бились, воевали на ней другъ съ другомъ. А гдѣ теперь эти хазары, печенѣги, половцы—ихъ и слѣдъ простылъ, они исчезли, не оставивъ ничего послѣ себя, даже языкъ ихъ остался неизвѣстнымъ, и только о бытѣ и нравахъ ихъ кое-что можно сказать изъ сказаній нашихъ лѣтописцевъ.

На югѣ равнинъ, въ степяхъ, множество кургановъ-могилъ, на которыхъ стоятъ или лежатъ статуи, грубо вытесанныя изъ камня, такъ называемыя каменные бабы; но до сихъ поръ никто еще не разгадалъ какой народъ дѣлалъ и ставилъ эти статуи.

Но вернемся къ чернозему; посмотримъ какъ онъ образуется, какъ лежитъ и т. д.

Первый признакъ чернозема есть его цвѣтъ. Когда черноземъ смоченъ дождемъ, онъ дѣйствительно совсѣмъ черенъ, какъ сажа или уголь, въ засуху цвѣтъ его дѣлается сѣроватымъ, какъ аспидная доска. Другая особенность чернозема та, что отъ дождя онъ быстро разбухаетъ, пропиты-

вается влагой какъ губка, дѣлается мягкимъ, рыхлымъ и липкимъ, въ засуху же твердѣетъ, поверхность его разстрескивается, и онъ дѣлается разсыпчатымъ. Изъ чернозема нельзя слѣпить что нибудь, какъ изъ глины; какъ высохнетъ, все потрескается, осыпется. Не слѣдуетъ думать, что черноземъ одѣваетъ равнину сплошнымъ пластомъ одинаковой толщины. Есть обширныя площади песковъ, на которыхъ растутъ сосновые боры, а чернозема нѣтъ вовсе. Есть мѣловые холмы и равнины, гдѣ черноземный пластъ въ 1—2 вершка толщины, гдѣ хлѣбъ и травы родятся очень плохо. Но есть также глинистыя площади, гдѣ слой чернозема достигаетъ толщины 2 аршина. Свойства чернозема, его составъ и даже цвѣтъ очень различны. Черноземъ есть перегной растеній. Черноземъ образуютъ, истлѣвая послѣ смерти, всѣ растенія любой страны; но участь растительныхъ остатковъ зависитъ отъ многихъ условій—почвы, климата, рельефа страны, обилія и дѣйствія дождевой воды, вѣтровъ и т. д.

На твердой почвѣ растенію трудно укорениться; его корни не могутъ разростись свободно и должны пользоваться трещинками, чтобъ проникнуть въ глубь и добыть тѣ растворы солей, которые служатъ пищей растенію. На рыхлой почвѣ той же породы растеніе развивается роскошнѣе, потому что его корнямъ вольготно вѣтвиться во всѣ стороны, а слѣдовательно легче и пищу добыть. Умрутъ эти два брата. Первый—бѣднякъ ничего почти не оставитъ послѣ себя; другой даетъ землѣ богатое наслѣдство. Дождевая вода, на твердой почвѣ, смываетъ остатки перваго и сбѣжитъ съ ними въ оврагъ, таже дождевая вода, разрушивъ остатки втораго, всосется въ рыхлую почву и унесетъ ихъ туда съ собой. На ровной поверхности перегной растеній сохраняется лучше; на скалахъ его легче смываютъ дождевые потоки.

Гдѣ дожди падаютъ часто, но понемногу, тамъ истлѣвающія растенія оставляютъ больше органическаго вещества, и оно лучше просачивается въ почву; гдѣ, напротивъ, продолжительныя засухи прерываются ливнями, тамъ истлѣва-

ніе растеній полнѣе, а остатковъ отъ нихъ меньше, да и тѣ въ значительной части уносятся потоками въ овраги и рѣчныя долины.

Вѣтеръ играетъ большую роль въ сохраненіи остатковъ. Если почва гола, слабо защищена отъ его дѣйствія растеніями, разгулявшійся на просторѣ вѣтеръ взметаетъ облака пыли и несетъ ее на многія версты, засоряя воды. Достаточно одной сильной, сухой бури, чтобы уничтожить тонкій слой перегноя, накопившійся на поверхности почвы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Всѣ эти условія главнымъ образомъ мѣшаютъ образованію перегноя на поверхности земли, перегноя стволовъ, вѣтвей и листьевъ растеній. Корни же конечно оставляютъ больше перегноя. Возьмите кусокъ дерна, онъ пронизанъ корешками растеній. Эти корешки умрутъ, оставивъ послѣ себя ничтожное количество органическаго перегноя, онъ весь есть чистая прибыль для почвы. Послѣ корешковъ останутся еще ходы въ почвѣ, по нимъ въ нее втекаетъ дождевая вода, настоенная солями и органическимъ перегноемъ. Одно поколѣніе растеній смѣняется другимъ, это третьимъ и т. д.; корни cadaго растенія буравятъ въ почвѣ свои ходы, оставляютъ свой перегной, способствуютъ въ свою очередь всачиванію въ нее дождевой воды настоенной перегноемъ стеблей и листьевъ. Вотъ и полная картина образованія чернозема. Легко понять теперь, что черноземъ образуется вездѣ, гдѣ есть растенія; но всюду образованіе черноземнаго слоя идетъ крайне медленно, вѣками, тысячелѣтіями. А потому, присутствіе его на русскихъ равнинахъ, подобно оврагамъ и исчезнувшимъ озерамъ, доказываетъ несомнѣнно, что эти равнины давно, давно стали сушей. Посмотримъ теперь растительность этихъ равнинъ, дающую матеріалъ для наростанія черноземнаго слоя.

Между растеніями, какъ и между животными, есть виды особые, которые живутъ не долго, какихъ нибудь нѣсколько недѣль, есть и такіе, которые живутъ десятки, сотни, даже тысячи лѣтъ. Есть растенія нелюдимы, живущія въ оди-

ночку, между другими, несродными имъ; есть и такія, которыя живутъ обществами, колоніями, тѣсно и близко другъ отъ друга. Вотъ эти-то колоніальныя, общественныя растенія и опредѣляютъ, въ любой мѣстности, растительный характеръ послѣдней,—то, что называютъ растительнымъ пейзажемъ или флорой.

Большія или малыя пространства сухихъ равнинъ, покрытыя травянистой растительностью, русскій человѣкъ зоветъ степью, полемъ чистымъ или дикимъ полемъ. Напротивъ, пространство, покрытое древесными, многолѣтними растеніями, стволы которыхъ высятся на нѣсколько сажень—зовутъ лѣсомъ. Пространства, вспаханныя и засеянные хлѣбными растеніями, зовутся хлѣбнымъ полемъ, въ отличіе отъ степи, или дикаго поля. Кромѣ степи, лѣса и хлѣбнаго поля отличаютъ еще лугъ. Лугами зовутъ пространства, покрытыя, подобно степи, травянистыми растеніями; но различіе между степью и лугомъ то, что послѣдній лежитъ обыкновенно въ долинахъ съ влажной, сырой почвой. Типичный лугъ — это пойма, или травянистая равнина рѣки, ежегодно потопляемая поймой водой. Вслѣдствіе весеннихъ разливовъ, покрывающихъ пойму ежегодно, отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ недѣль, лѣса на ней не растутъ вовсе; изъ кустарниковъ встрѣчаются только ивы и тальники, зато какъ только сбудетъ вода съ поймы, она покроется быстро, въ нѣсколько дней густой, роскошной, травянистой растительностью; обиліе влаги въ почвѣ и въ воздухѣ поддерживаетъ жизнь травъ до глубокой осени, до морозовъ, и поэтому пойма рѣзко отличается отъ степи, гдѣ растенія вслѣдствіе засухи скоро отживаютъ, блекнутъ и умираютъ, не доживъ до осени.

Кромѣ того не надо забывать, что есть еще болота, расположенныя во всѣхъ ложбинахъ и котловинахъ, гдѣ въ почвѣ скопилась вода. Болотъ множество среди поемныхъ луговъ; болота есть въ степяхъ и лѣсахъ, на мѣстахъ бывшихъ озеръ. И такъ лѣсъ, степь, лугъ, болото и хлѣбное поле—вотъ главные пейзажи, отличающіеся флорой другъ

отъ друга, которые мы найдемъ всюду, и на равнинахъ, и въ горахъ. Распредѣленіе этихъ пейзажей, взаимное сочетаніе ихъ, характеръ растительности, придающей каждому изъ нихъ извѣстную фیزیономію,—все это разнообразно до безконечности; а это разнообразіе имѣетъ глубокое, перво-степенное значеніе въ разселеніи животныхъ и человѣка. Всякое малѣйшее измѣненіе характера пейзажа производитъ важный переворотъ въ міръ животныхъ, въ фаунѣ мѣстности. Скосите лугъ, сожните хлѣбъ на полѣ, осушите болото, вырубите лѣсъ и мигомъ животный міръ мѣстности измѣнится; множество животныхъ, которыхъ привычно было встрѣчать каждый день, вдругъ почти исчезнутъ, сбѣгутъ, зато явятся другія, которыхъ раньше не было. Быть человѣка въ степи, и быть его въ лѣсу глубоко различенъ; распахана степь, вырубленъ лѣсъ и этотъ быть, сложившійся столѣтіями, быстро измѣнится. Для удовлетворенія старыхъ привычекъ нужны новые приемы, иной матеріалъ. Оттого-то лѣсъ, и степь или вообще говоря характеръ мѣстнаго пейзажа кладетъ рѣзкую печать на привычки, нравы, на жизнь человѣка и животныхъ. Въ этомъ-то именно и заключается связь человѣка, звѣря, даже растенія съ его родиной.

Вотъ почему, для знакомства съ родной землей, намъ важно знать каждый ея пейзажъ съ его видоизмѣненіями. А чтобъ не блуждать въ этомъ разнообразіи, уговоримся предварительно. Степь, дикое поле есть древнѣйшій пейзажъ русской равнины. Не думайте, что степь вездѣ одинакова. Различаютъ степи по почвѣ и по растительности. Такъ, есть степи глинистыя, песчаныя, черноземныя; есть степи ровныя, какъ столъ, есть волнистыя, холмистыя. Есть — травянистыя, гдѣ растительность такъ густа, что почвы не видно. Есть степи полынные, есть — ковыльныя.

Въ черноземной области есть только черноземная ковыльная степь, кое-гдѣ прерванная полосками песковъ и

попынныхъ степей. Въ прежнія времена ковыльная степь занимала всю южную полосу, или половину черноземной равнины; теперь ея мѣсто заняли тамъ хлѣбныя поля.

Лугъ тоже представляетъ нѣсколько типовъ. Самый характерный лугъ — это пойма или пожня на рѣчныхъ равнинахъ, заливаемыхъ полой водой. На днѣ широкихъ овраговъ или балокъ есть тоже луга или лужайки, по которымъ разбѣгаются вешнія воды и дождевые потоки, въ почвѣ которыхъ постоянно поддерживается влага струйками родниковъ, просачивающихся изъ пластовъ земли. Въ лужайки превращаются высохшія полевые и степныя болотца. Луговинами называются лѣсныя поляны, гдѣ травянистая растительность одолѣла, благодаря покосамъ и пасущемуся скоту, всходы древесныхъ породъ.

Болота представляютъ еще болѣе разнообразія. Есть болота водянистыя, гдѣ вода тонкимъ слоемъ покрываетъ почву, гдѣ водоросли и мхи преобладаютъ надъ осоками и другими травянистыми цвѣтковыми растеніями; есть болота кочковые, гдѣ тоже стоитъ вода, но осоки образовали кочки, которыя, разростаясь, постепенно сливаются между собой и наконецъ образуютъ сухое болото, переходящее затѣмъ въ лужайку. Есть болота рѣчныхъ долинъ, болѣе постоянныя, болѣе живучія; есть болота на сухихъ равнинахъ среди лѣсовъ и степей, занявшія мѣсто озеръ, и быстро мѣняющія свою фізіономію. Но ни степь, ни рѣчная долина съ ея озерами, лугами и болотами не представляетъ такого безконечнаго разнообразія пейзажа, какъ лѣсъ. Составленный изъ разныхъ видовъ древесныхъ растеній, различнаго возраста, лѣсъ измѣнчивъ до крайности. Но и тутъ человѣкъ подмѣтилъ и назвалъ главные типы.

Лѣсъ, состоящій изъ однихъ только хвойныхъ деревьевъ, называютъ боромъ или краснолѣсьемъ, въ отличіе отъ чернолѣся или лѣса, состоящаго изъ лиственныхъ деревьевъ. Боръ, по преобладанію той или другой породы, называется еловымъ или сосновымъ. Если въ немъ, между

хвойными, растут осина, береза и другія лиственные деревья,—то боръ зовется смѣшаннымъ.

Лиственный лѣсъ, чернолѣсье, имѣетъ много подраздѣленій. Старый лѣсъ, гдѣ преобладаютъ наиболѣе долголѣтніе дубъ и липа, зовутъ изстари дубравой. Лѣса небольшіе, состоящіе изъ березы или осины, зовутъ рощами—березовая роща, осиновая роща. Слово роща произошло, вѣроятно, отъ рощистъ, расчищать, такъ какъ въ рощахъ обыкновенно мало молодыхъ деревцовъ и они отличаются чистотой. Во всякомъ случаѣ русская роща соотвѣтствуетъ англійскому парку.

Отдѣльные, небольшіе лѣсочки среди полей и степей зовутъ отъемниками, колками или островами. Молодой лѣсъ зовутъ мелколѣсьемъ или кустами. Лѣсочки, растущіе въ долинахъ рѣкъ, называются урема, уйма, коблы, гай, талы и т. д. Таковы растительные пейзажи на черноземной равнинѣ.

Въ былое время степь на югѣ, дремучіе лѣса на сѣверѣ одѣвали сплошь эту равнину зеленымъ покровомъ. Лѣсъ и степь, въ этотъ отдаленный періодъ дѣвственной природы равнины, вели между собой упорную борьбу за обладаніе почвой. Болѣе устойчивый и долговѣчный лѣсъ мало по малу, въ теченіе длиннаго ряда столѣтій, одолѣлъ бы степь и раскинулся бы сплошной, дремучей дубравой на всемъ пространствѣ равнины до береговъ Азовскаго и Чернаго моря. Но у степи нашелся союзникъ, который грубо остановилъ движеніе лѣса въ степь и опустошилъ его огнемъ и топоромъ. Благодаря ему, т. е. русскому человѣку, на мѣстѣ дремучихъ боровъ и дубравъ мы находимъ теперь жалкіе острова, кусты и пашни. Но степь не выиграла отъ этого. Соха и плугъ взбороздили ея дѣвственную почву, истребили ея природныя растенія, разогнали ея обитателей. И теперь на мѣстѣ степей, какъ и на мѣстѣ лѣсовъ, тянутся на сотни верстъ сплошныя, безконечныя, однообразныя поля. Одиночныя клочки лѣсовъ и степей, разсѣянные среди полей, служатъ

единственными памятниками было приволье, было красоты равнины. Познакомимся съ ними ближе; посмотримъ кто живетъ въ нихъ.

Модестъ Богдановъ.

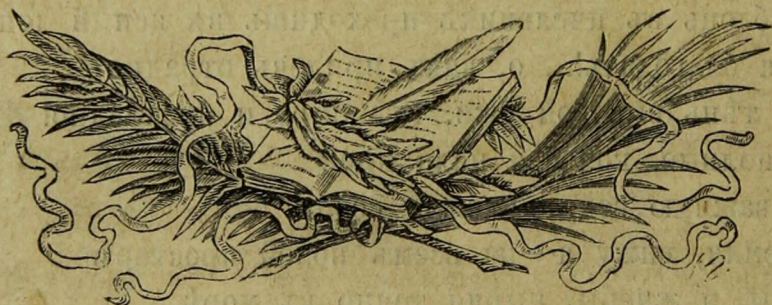
НИВА.

О НИВѢ прохожу я узкою межей,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день,
О Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—по зарѣ стучать проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣла весна,
И непогодами несгубенныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно;
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вырѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ стариками,
Прийти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
Промолвить: „Господи, какая благодать!“

А. Майковъ.

ЖАТВА.

(Изъ записокъ Багрова-внука).

ОСЛѢ обѣда, на длинныхъ крестьянскихъ роспускахъ, отправились мы съ отцемъ въ поле; Мironычъ также присѣлъ съ нами. Я ѣхалъ на роспускахъ въ первый разъ въ моей жизни и мнѣ очень понравилась эта ѣзда: сидя на сложенной въ четверо бѣлой кошмѣ, я покачивался точно какъ въ колыбели, висящей на гибкомъ древесномъ сучкѣ. По колеямъ степной дороги роспуски опускались такъ низко, что растущіе высоко травы и цвѣты хлестали меня по ногамъ и по рукамъ, и это меня очень забавляло. Я даже успѣвалъ срывать цвѣточки. Но я замѣтилъ, что для большихъ людей такъ сидѣть не ловко потому, что они должны были не опускать своихъ ногъ, а вытягивать ихъ на воздухъ, чтобъ не задѣвать за землю: я же сидѣлъ на роспускахъ почти съ ногами, и трава задѣвала только мои башмаки. Когда мы проѣзжали между хлѣбовъ по широкимъ межамъ, заросшимъ вишенникомъ съ красноватыми ягодами и бобов-

никомъ съ зеленоватыми бобами, то я упросилъ отца остановиться и своими руками нарвалъ цѣлую горсть дикихъ вишенъ, мелкихъ и жесткихъ какъ крупный горохъ; отецъ не позволилъ мнѣ ихъ отвѣдать, говоря, что они кислы, потому что не поспѣли, бобовъ же дикаго персика, называемаго крестьянами бобовникомъ, я нащипалъ себѣ цѣлый карманъ; я хотѣлъ и ягоды положить въ другой карманъ и отвести маменькѣ, но отецъ сказалъ, что „мать на такую дрянъ и смотрѣть не станетъ, что ягоды въ карманѣ раздавятся и перепачкають мое платье и что ихъ надо кинуть“. Мнѣ жаль было вдругъ разстаться съ ними, и я долго держалъ ихъ въ своей рукѣ, но наконецъ принужденъ былъ бросить, самъ не знаю какъ и когда.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожь не наклонялась, не вылегла, какъ говорится, она стояла такъ высоко, что насъ съ роспусками и лошадьми не было видно. Это новое зрѣлище тоже мнѣ очень нравилось. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей; чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ становился онъ слышнѣе, и наконецъ сквозь не сжатую рожь стали мелькать блестящіе серпы и колосья горстей срѣзанной ржи, которыми кто-то взмахивалъ въ воздухѣ; вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ. Когда мы выѣхали на десятину, которую жали человекъ съ десять, говоръ прекратился; но за то шарканье серповъ по соломѣ усилилось и наполняло все поле необыкновенными и неслышанными мною звуками. Мы остановились, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ какимъ-то добрымъ голосомъ: „Богъ на помощь!“ Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ, низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ отцемъ и со мной. На загорѣлыхъ лицахъ была написана радость, нѣкоторые тяжело дышали, у иныхъ были обвязаны грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ, но всѣ были бодры. Отецъ мой спросилъ:—

сколько людей на десятинѣ? не тяжело ли имъ? и получивъ отвѣтъ, что „тяжеленько, да какже быть, рожь сильна, прихватимъ вечера“... сказалъ: „такъ жните съ Богомъ“... и въ одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ, и шумъ отъ рѣзки жесткой соломы еще звучнѣе, сильнѣе разнесся по всему полю. Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Вдругъ плачъ ребенка обратилъ на себя мое вниманіе, и я увидѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ, между трехъ палочекъ, связанныхъ сверху и воткнутыхъ въ землю, висѣли люльки; молодая женщина воткнула серпъ въ связанный ею снопокъ, подошла не торопясь, взяла на руки плачущаго младенца, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятака сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя. Ребенокъ скоро успокоился, заснулъ, мать положила его въ люльку, взяла серпъ и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, чтобы догнать своихъ подругъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Отецъ разговаривалъ съ Миронычемъ, и я имѣлъ время всмотрѣться во все меня окружающее. Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ, съ такимъ напряженьемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, обхватило мою душу, и много разъ потомъ, бывая на жнитвѣ, я всегда вспоминалъ это первое впечатлѣніе... Съ этой десятины поѣхали мы на другую, на третью и такъ далѣе. Сначала мы вставали съ роспусковъ и подходили къ жнецамъ, а потомъ только подъѣзжали къ нимъ; останавливались, отецъ мой говорилъ: „Богъ на помочь“. Вездѣ было одно и тоже: тѣ же поклоны, тѣ же добрыя обрадованныя лица и тѣ же простые слова: „благодарствуемъ, батюшка Алексѣй Степанычъ“. Останавливаться вездѣ было невозможно, не достало бы времени. Мы объѣхали яровые хлѣба, которые тоже начинали поспѣвать, о чемъ отецъ мой и Миронычъ говорили съ безпокойствомъ, не зная гдѣ взять рукъ и какъ убраться съ жнитвомъ. „Вотъ она страда-то, настоящая-то страда, батюшка Алексѣй Степанычъ, говорилъ главный староста. Ржи поспѣли поздно, яровые почитай поспѣваютъ,

уже и поздніе овсы стали мѣшаться, а пришла пора сѣять. Вчера Богъ далъ такого дождика, что борозду пробилъ; теперь земля сыренька и съ завтрашняго дня всѣхъ мужиковъ погоню сѣять; такъ извольте разсудить: съ одними бабами не много нажнешь, а ржи-то осталось половина не сжатой. Не позволите ли, батюшка, сдѣлать лишній сгонъ?“ Отецъ отвѣчалъ, что крестьянамъ вѣдь также надо убираться и что отнять у нихъ день въ такую страдную пору дѣло не хорошее, и что лучше сдѣлать помочь и позвать сосѣдей. Староста началъ было распространяться о томъ, что у нихъ сосѣди дальніе и къ помочамъ непривычные; но въ самое это время подѣхали мы къ горохамъ и макамъ, которые привлекли мое вниманье. Отецъ приказалъ Миронычу сломить нѣсколько еще зеленыхъ головокъ мака и выдрать съ корнемъ охапку гороха съ молодыми стручками и лопатками; все это онъ отдалъ въ мое распоряженіе и даже позволилъ сѣсть одинъ молоденькій стручекъ, плоскія горошинки котораго показались мнѣ очень сладкими и вкусными. Въ другое время это заняло бы меня гораздо сильнѣе, но въ настоящую минуту ржаное поле съ жнецами и жницами наполняло мое воображеніе, и я довольно равнодушно держалъ въ рукахъ, за тонкіе стебли, съ десятокъ маковыхъ головокъ и охапку зеленого гороха. Возвращаясь домой, мы заѣхали въ паровое поле, довольно заросшее зеленымъ осотомъ и козлецомъ, за что отецъ мой сдѣлалъ замѣчаніе Миронычу; но тотъ оправдывался дальностью полей, невозможностью гонять туда господскія и крестьянскія стада для толоки, и увѣрялъ, что вся эта трава подрѣжется сохами и больше не отрыгнетъ, то есть, не выростетъ. Несмотря на все это, отецъ мой остался не совсѣмъ доволенъ паровымъ полемъ, сказалъ, что пашня мѣстами мелка и борозды рѣдки—отчего и травы много. Солнце опускалось...

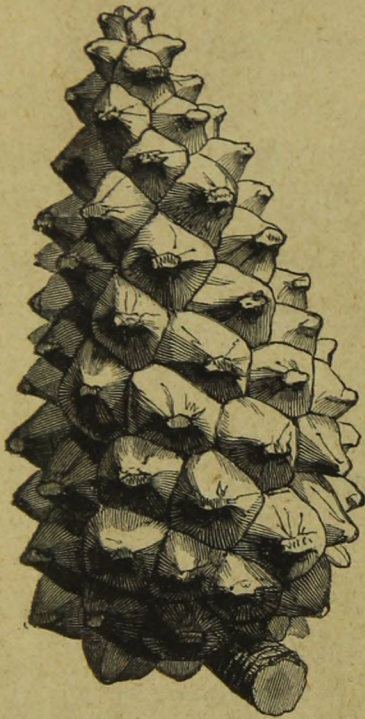

Л Ъ С Ъ.

ЕРЕДЪ нами сосна, де-
рево покрытое иглами,
иглы эти называются
хвоей, поэтому и лѣсъ съ такими
деревьями называется хвой-
нымъ боромъ или красно-
лѣсьемъ. Въ этомъ бору высятся
стройныя сосны и ели, ихъ густо обросла смолистая иглы,
эти иглы — ихъ листья, они узки продолговаты, жестки,
собранны въ пучки по 2, по 3 и по 5 листиковъ. Каждый
пучекъ—вѣточка, нижній листочикъ вѣточки превращенъ во

влагалище листочковъ. Цвѣтокъ сосны имѣетъ видъ сережки; изъ растянутой завязи цвѣтка въ родъ чешуйки спускаются точно два яичка. Когда цвѣтокъ созрѣетъ, чешуйка твердѣетъ, становится деревяниста, въ верхушкѣ утолщается въ видѣ булавы и образуетъ сложный плодъ—шишку. Отъ плода шишки цѣлое семейство этого рода называется шишконоснымъ, (хвойнымъ).

Сосновая шишка.

Впослѣдствіи чешуйки шишки раздѣляются, и находящіяся въ нихъ зерна выпадаютъ на землю. Листья сосны очень рѣдко осыпаются, сосна зеленѣетъ даже и подъ снѣгомъ. Падающія иглы трудно поддаются гніенію, поэтому осыпая землю онѣ не допускаютъ рости изъ подъ себя другія растенія, и удерживая въ землѣ влагу, мѣшаютъ ей испаряться на солнцѣ. Если въ бору больше деревьевъ сосновыхъ, то онѣ называется сосновымъ, если больше ели то еловымъ.

Въ хвойнахъ лѣсахъ деревья такъ близко стоятъ междусобою, что точно хотятъ защитить другъ друга отъ ненастья и отъ палящихъ лучей солнца: въ такихъ лѣсахъ берутъ начало рѣки, о зера и образуются болота. Сверхъ того деревья такъ однообразны, что трудно распознавать въ такихъ лѣсахъ дорогу по примѣтамъ и не ошибиться. Въ этихъ-то лѣсахъ всего легче заблудится и воображеніе народа населяетъ ихъ лѣшими и другими лѣсными духами, которые любятъ шутить надъ людьми. Блуждавшіе рассказываютъ, что лѣшій имъ встрѣтился, обошелъ ихъ кругомъ, что изъ такого зачарованнаго круга, намѣченнаго лѣшимъ, трудно выбраться, и что обошедшій ихъ лѣшій съ радости хлопаетъ въ ладоши, страшно хохочетъ, поетъ голосомъ безъ словъ, и то вытянется наравнѣ съ деревьями, то сожметъ наравнѣ съ травой. Во времена глубокой старины, слишкомъ за ты-

COCHA.

сячу лѣтъ до нашего времени—русская земля была сплошь покрыта такими густыми, непролазными лѣсами, что кочевые народы изъ азіатскихъ степей, страшились ихъ и проходили мимо. Въ эти лѣса попадали только сбившіеся съ пути, отсталые и обезсилившіе. Нѣкоторые изъ нихъ попадали въ лѣсахъ на рѣки или озера и тутъ оставались жить. Жизнь была жалкая. Чтобы пропитаться они стрѣляли изъ луковъ деревянными стрѣлами птицъ и пушныхъ звѣрей на одежду. Окруженные такими огромными деревьями, что едва двумъ человѣкамъ въ обхватъ, они не умѣли строить изъ нихъ себѣ удобныхъ жилищъ. Когда пришли въ эти мѣста съ Дуная предки наши славяне, то народы обжившіеся въ лѣсахъ стали платить имъ дань — березовыми вѣниками, которые годятся только париться въ банѣ. Мало по малу завелась торговля мѣновая. Лѣсовики давали звѣриныя шкуры, воскъ, медъ.

Кромѣ хвойныхъ лѣсовъ были и лѣса лиственные или черныя, въ которыхъ росли: липа, дубъ, береза, ольха и другія лиственные деревья. Гдѣ растетъ больше дубъ, тѣ лѣса называются дубравами; а гдѣ больше липа и береза тѣ зовутся рощами. Въ древесныхъ дуплахъ жили пчелы и дѣлали большіе запасы меда и воска. По деревьямъ прыгало много бѣлокъ, бѣгали зайцы, лисицы, рыскали волки и шатались медвѣди. Эти непочатые лѣса были дѣйствительно страшны даже и при солнечномъ свѣтѣ, что же ночами!

Къ видамъ сосны съ двулиственными пучечками принадлежатъ сосна лѣсная, сосна приморская, сосна итальянская или каменная, (сѣмена этой сосны можно ѣсть), сосна корсиканская съ пучками изъ пяти листиковъ, сосна веймутова. Она достигаетъ до семидесяти аршинъ высоты.

Ель отличается отъ сосны своей шишкой, чешуйки которой къ верху закругляются. Къ роду ели относится ель бѣлая, изъ нее получается терпентинное масло.

ОЛХА.

Ель, такъ же какъ и сосна, даетъ цѣнный строевой матеріялъ. Изъ подъ надрѣза ея вытекаетъ смола подъ названіемъ живица.

Къ роду хвойныхъ деревъ относятся:

1) Лиственница—листья ея мягки, выходятъ пучками изъ чешуйчатой почки и разъединяются. Держатся на деревѣ только одну зиму. Изъ трещинъ лиственницъ вытекаетъ скипидаръ.

2) Кедръ. Величественные кедровые лѣса высятся по отлогостямъ Атласа, на сѣверѣ Африки, въ умѣренныхъ странахъ Азіи—въ Сибири и на сѣверѣ Россіи чешуйки его шишки тѣснѣя наложены. Въ шишкѣ кедра содержатся очень нѣжные вкусные орѣхи—семена кедра. Всѣ эти рода деревьевъ принадлежатъ обширному отдѣлу хвойныхъ по множеству общихъ признаковъ.

Близко къ этому роду деревьевъ относится вѣчно зеленое дерево туя—маленькіе листья ея съ боковъ сжаты и наложены другъ на друга.

Съ туей сходенъ кипарисъ. Кипарисъ отличается отъ нее только большимъ количествомъ сѣмянъ стиснутыхъ при основаніи каждой чешуйки.

Тисъ—острые, линейные листья сближены, снизу цвѣта темнозеленаго. Цвѣты какъ бы опоясываютъ прицвѣтникѣ. Созрѣвши они бываютъ цвѣта ярко-краснаго, плодъ—родъ жолудя, внутри сѣмячко. Когда плоды тиса созрѣютъ, то дерево бываетъ осыпано точно маленькими вишнями.

Можжевельникъ—обыкновенное европейское растеніе, подходящее къ кустарникамъ. Листья его кольчаты, жестки, колючи. Черно-сизыя небольшія ягоды держатся на вѣткахъ круглый годъ. Изъ ягодъ можжевельника гонится водка, извѣстная подъ названіемъ джинъ.

Можжевельникъ виргинскій, или красный кипарисъ, его древесины его очень легка и ароматна. Изъ нее дѣлаютъ вставки для карандашей и вырѣзаютъ образочки.

* * *

Р О Щ А.

 ВЪ ГЛУБОКОМЪ и темномъ оврагѣ
Зеленая роща стоитъ,
Склоняясь и тихо ласкаясь,
Она надо мною шумитъ.

* * *

Лежу неподвижно и въ шумѣ
Стараюсь я все угадать
Ея чародѣйныя тайны
И въ пѣсняхъ потомъ передать.

* * *

Шумитъ беспокойная роща...
Лепечетъ густая листва...
Лѣниво сплетаясь съ цвѣтами,
Шумитъ подъ ногами трава.

* * *

Шумитъ беспокойная роща...
Въ вѣтвяхъ ея птичка поетъ,
Сквозитъ золотистое солнце
И полосы свѣта несетъ...

* * *

Медлительно полосы свѣта
Уходятъ туда и сюда...
Я думаю: также все было
И будетъ въ другіе годѣ.

* * *

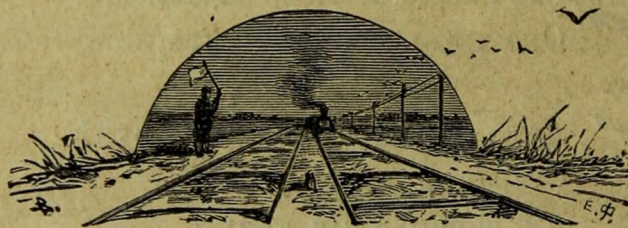
Быть может счастливая пара
Сюда приходила весной
И пѣла веселыя пѣсни
О долѣ своей золотой.

* * *

Счастливы! и, дрогнувъ, заняли
Всѣ тайныя струны души
И мнѣ одиночество стало
Еще тяжелѣе въ глуши.

Лановъ.

12 іюня 1882 г.
г. Сызрань.

БАБУШКА.

I.

С о с н а.

ВЪ ГАРТСКИХЪ горахъ Саксоніи, въ лѣсу, зеленѣвшемъ неподалеку отъ мѣстечка Зейфенъ, среди молодаго березника и краснаго хвойнаго лѣса, стояла высокая, гордая сосна; развѣсистыя, широко раскинувшіяся вѣтви ея походили на опахаловидную пальму.

Четыре человѣка едва могли охватить величественное дерево. Прямое какъ стрѣла, какъ дикое дитя, взлелѣянное свободной природой, возносила сосна въ прозрачной лазури воздуха, и казалось, вершиною своею прославляла небо и Творца вѣчной жизни. Болѣе трехъ сотъ разъ видѣла она надъ собою восходъ и закатъ солнца, палящія молніи и ужасные ураганы проносились мимо нее, не оставляя ни малѣйшаго слѣда. Тысячи животныхъ, отъ сильной хищной птицы до муравья и бѣдной моли, находили

себѣ пріютъ подѣ деревомъ-исполиномъ. Повидимому, тихое и спокойное, оно какъ многолудный городъ было наполнено неутомимыми жителями. Но что шадятъ молніи, то разрушаютъ смѣлыя руки человѣка. Въ одинъ прекрасный, майскій день, два дровосѣка, стоя на колѣняхъ у подножія сосны, врѣзали острые зубцы пилы въ сочное дерево. Какъ бы чувствуя боль, оно тяжело стонало и вздыхало. Невдалекѣ отъ нихъ стояли еще два человѣка, отличавшіеся отъ дровосѣковъ своею одеждою, и смотрѣли на работающихъ. Одинъ изъ нихъ былъ уже въ лѣтахъ, высокъ ростомъ и худощавъ, другой, повидимому, не старѣе тридцати четырехъ или пяти лѣтъ, былъ средняго роста и красивой наружности. Сторожъ, угрожая палкою, едва удерживалъ толпу босыхъ, простоволосыхъ ребятишекъ обоего пола, рвавшихся посмотреть на гибнущую сосну, какъ бы на казню человѣка. И дѣйствительно, паденіе гордаго дерева можно сравнить съ казнію. Дровосѣки пилили равнодушно и ловко. Они пилили долго и терпѣливо, порой давая отдыхъ рукамъ своимъ. Во время этого отдыха, младшій изъ зрителей глядѣлъ какъ глубоко пила врѣзалась въ сосну и замѣчалъ направленіе, по которому она должна повалиться. Старшій же смотрѣлъ наверхъ; тамъ надъ вершиною сосны вилась хищная птица. Двѣ бѣлки, какъ бы чувствуя опасность, угрожавшую ихъ земному жилищу, робко перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку, оглядываясь во всѣ стороны ища по близости безопаснаго убѣжища, но не осмѣливаясь сдѣлать рѣшительнаго прыжка.

— Отступите нѣсколько назадъ, г. писарь, сказалъ молодой человѣкъ своему товарищу. Нельзя навѣрное расчесть, въ которую сторону дерево повалится, но, конечно, оно должно пасть скоро. Берегитесь, братцы, не играйте опасностью. Расчистите-ка лучше кустарникъ около сосны, чтобы не слишкомъ попортились молодые деревья.

— Не безпокойтесь, г. Дидрихъ, возразилъ одинъ изъ пильщиковъ, сосна еще ни разу не треснула и прежде не жели это слу.....

Вдругъ дерево такъ сильно затрещало, что старшій изъ зрителей сдѣлалъ огромный прыжокъ въ сторону. Г. Дидрихъ внимательно разсматривалъ, на ту ли сторону упадетъ сосна, съ которой пила врѣзалась въ могучій стволъ.

— Еще не подается, сказалъ дровосѣкъ, она выдержитъ дюжину подобныхъ ударовъ.

И спокойно продолжалъ свою работу.

— Назадъ, вскричалъ Дидрихъ, падаетъ, бросай пилу, скорѣй назадъ!

Дровосѣки повиновались и отстранились.

Вершина сосны стала клониться, вѣрообразныя вѣтви затрещали. Такъ гибнетъ корабль, когда буря выбрасываетъ его какъ орѣховую скорлупу на скалу и съ трескомъ разбивается о нее. Стволъ сосны затрещалъ оглушительно, тяжелый перевѣсъ превозмогъ его крѣпость. Вершина со свистомъ разрѣзала тихій воздухъ, вѣтви, хлестаясь другъ о друга, дико зашумѣли, земля вздрогнула отъ глухаго грохота, когда древесный великанъ ударился объ нее. Вершины близъ растущихъ деревъ, взволнованныя сильнымъ напоромъ воздуха, смиренно и печально преклонили свои вершины, хотя сосна въ паденіи и не коснулась ихъ. Но что это съ быстротою молніи пролетѣло надъ головами четырехъ зрителей и въ далекомъ разстояніи отъ нихъ упало на землю? Это была пила, кинжалъ, отнявшій жизнь у сосны; сосна умирая, какъ бы въ отмщеніе, бросила ее въ своихъ губителей.

Когда погребаютъ индѣйскаго владѣльца, то, по принятому обычаю, часть его женъ и невольницъ обрекается смерти, чтобы онъ не одинъ отправлялся на тотъ свѣтъ. Такимъ же образомъ поступила и сосна; паденіе ея уничтожило всѣ растенія, почерпавшія жизнь подъ ея широкимъ корнемъ.

Сторожъ не могъ долѣе сдержать молодежи. Въ ту минуту, когда дерево готовилось падать, юная толпа прорвалась къ гиганту и радостными криками заглушила отдаленное эхо его паденія. Дѣти неистовствовали, какъ орда ди-

карей, алчущихъ добычи; какъ воины, которые берутъ приступомъ смертоносную батарею и взобрались на сосну. Хищная птица испустила жалобный крикъ, пронизательный взоръ ея замѣтилъ, что гнѣздо ея, заботливо свитое на вершинѣ сосны, вмѣстѣ съ разбитыми пестрыми яйцами, было въ рукахъ радостно кричащихъ мальчиковъ, и долго еще продолжала кружиться надъ могилою своего потомства. Судьба бѣлокъ была счастливѣе, онѣ невредимо опустились на землю, и еще до начала охоты поспѣшно скрылись въ лѣсъ.

— Славно покончили дѣло! сказалъ г. Дидрихъ, и за то сверхъ условной платы получите отъ меня штофъ водки. Теперь посмотрите, сосна не слишкомъ ли попортила кустарникъ, повалившись на него.

Писарь приблизился къ быстро отлетѣвшей пилѣ, поднялъ ее и внимательно сталъ разсматривать. Покачавъ головою, онъ сказалъ про себя: „Еслибъ эта пила задала мнѣ щелчекъ, такъ пришлось бы проститься съ моею бѣдной жизнью“.

Потомъ отнесъ орудіе къ его хозяевамъ пильщикамъ. Одинъ изъ нихъ, обратясь къ г. Дидриху, сказалъ:

— Я думаю, г. Дидрихъ, заплативши талеровъ тридцать за эту сосну, вы выручите тысячу?

— Легко быть можетъ, отвѣчалъ Дидрихъ, когда она превратится во сто тысячъ различныхъ дѣтскихъ игрушекъ. Впрочемъ, и тогда только малая часть изъ тысячи талеровъ достанется мнѣ. Этотъ могучій великанъ тысячами частей разсыплется по всѣмъ странамъ свѣта: какъ въ дикой сѣверной, такъ и въ южной Америкѣ, гдѣ дѣти такъ же, какъ и наши дѣти, любятъ пестрый товаръ, и родители платятъ за него не жалѣя денегъ.

— Тоже будетъ и съ нашимъ тѣломъ по смерти, замѣтилъ писарь, и оно, какъ все земное, разъединится на свои составныя части.

— Не сыро ли будетъ это дерево для употребленія въ дѣло? не лучше ли бы было рубить сосну зимою?

— Для игрушекъ хорошо, возразилъ г. Дидрихъ, въ дѣтскихъ рукахъ игрушки скоро ломаются.

— Сколько вѣнцевъ лѣта образовали на этомъ стволѣ? сказалъ писарь, водя рукою по срубленному дереву, окружность котораго равнялась большому, круглому столу; сколько лѣтъ, сколько соковъ и частицъ надобно было, чтобъ возростить этотъ огромный стволъ, съ его обширными корнями, сучьями и милліонами иглъ? Вотъ бы прекрасная мачта для корабля!

— Да, сказалъ старшій изъ дровосѣковъ, особенно удивительно, когда подумаешь, что такое большое дерево выросло изъ такого крошечнаго сѣмячка, что вѣтеръ можетъ свѣять его какъ легкую мякину.

Въ это время подошли къ нимъ два мальчика и дѣвочка. Они были одѣты гораздо лучше прочихъ дѣтей. Повидимому, это были дѣти г. Дидриха. Старшій изъ мальчиковъ, указывая на лежащее дерево, улыбаясь, сказалъ писарю:

— Г. Либертъ! еслибы мы писали такими большими перьями, посмотрѣлъ бы я, каковы бы были буквы и тетради.

— Если на этого великана взглянуть съ облака, то онъ покажется пылинкой, замѣтилъ г. Либертъ, а цѣлый сосновый лѣсъ—плесенью на коркѣ хлѣба. Что въ глазахъ Творца точка, то для его созданій—обширный міръ. Сколько животныхъ провело цѣлую жизнь на этой соснѣ! сколько тысячъ червей и насѣкомыхъ скрывалось подъ ея корой, подобно рудокопателямъ въ глубинѣ рудниковъ. Замѣтьте, г. Дидрихъ, продолжалъ онъ, какъ падающая сосна нацѣлила пилу прямо мнѣ въ голову, ея острые зубья едва не врѣзались въ мое тѣло такъ же какъ въ сосну.

— Да, странный случай, подобный рѣдко встрѣчается, возразилъ г. Дидрихъ, онъ учитъ насъ осторожности. Конечно, легче очинить перо, нежели срубить подобную сосну.

— Кто-то изобрѣлъ первую пилу? сказалъ писарь, пробуя ея остріе рукою, мы бы несравненно болѣе употребили времени, еслибы вздумали срубить этотъ стволъ топоромъ.

— А токарный станокъ? а стругъ? сказалъ г. Дидрихъ, и множество другихъ орудій, безъ которыхъ многого бы нельзя сработать.

— Когда я былъ писаремъ еще въ Дрезденѣ, сказалъ Либертъ, то бывало въ свободное время, сидя у своего окна, придумывалъ риѣмы, тогда, г. Дидрихъ, я навѣрное описалъ бы въ стихахъ эту сосну; и сколько разныхъ игрушекъ наши зейфенцы изъ этой сосны надѣлаютъ, и черезъ сколько рукъ пройдутъ эти игрушки! Еслибы игрушки могли пересказать судьбу свою и судьбу своихъ владѣльцевъ! Ахъ! у меня голова идетъ кругомъ, какъ только объ этомъ подумаю.

— Не думайте слишкомъ много, сказалъ Дидрихъ, а то замечтаетесь. Эй! вы ребятишки, долой съ сосны! Фрибель и Робертъ идутъ обрубать вѣтви. Разступитесь!

Въ это время второй сынъ Дидриха притащилъ за руку мальчика своего возраста, который робко сопротивлялся ему.

— Не бойся, пойдемъ, отецъ мой добръ, онъ ничего тебѣ не сдѣлаетъ, а спрашивать всякій воленъ. Не правда ли, милый папа?

— Что, Оедя? спросилъ Дидрихъ, зачѣмъ ты тащишь сюда Христофора? говори, Христофоръ, скажи откровенно, что тебѣ надобно?

Христофоръ стоялъ молча и краснѣя, потомъ робко поднялъ свои голубые, исполненные благородства, глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ внизъ. Пунцовыя, свѣжія уста его нѣсколько разъ открывались и не могли произнести ни слова, наконецъ, сквозь два ряда бѣлыхъ жемчужинъ, онъ робко пролепеталъ:

— Я хотѣлъ попросить васъ, г-нъ Дидрихъ, не позволите ли вы мнѣ содрать съ сосны кору, и взять ее себѣ?

Слезы дрожали на рѣсницахъ мальчика, онъ робко взглянулъ на владѣльца сосны и со страхомъ ожидалъ отвѣта.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Дидрихъ ласково, и тѣмъ охотнѣе уступаю тебѣ первую добычу, что отецъ твой будетъ развозить по свѣту выдѣланные изъ этой сосны товары.

Восторгъ выразился во взорѣ и во всѣхъ чертахъ мальчика. Выкатившаяся серебристая слеза сверкнула какъ брилліантъ. Пролепетавши теплую благодарность, онъ долгимъ взоромъ измѣрялъ сосну, рассчитывая мысленно, сколько корзины придется ему наполнить ея корою и воображая радость матери при неожиданномъ приращеніи топлива.

Мечты его были прерваны жалобнымъ голосомъ, произнесшимъ его имя; взглянувши, онъ увидалъ Юлію, дочь г-на Дидриха, она сидѣла на срубленной соснѣ, держала въ передникѣ гнѣздо съ яйцами и печально сказала ему:

— Посмотри, Христофоръ, яйца почти высижены. Хотя они и отъ хищной птицы, но мнѣ все-таки ихъ жалко. Помоги мнѣ зарыть бѣдныхъ животныхъ въ землю, а то ихъ растаскаютъ рѣзвые ребяташки.

Мальчикъ съ полной готовностію принялся исполнять ея желаніе. Пока онъ зарывалъ въ кустарникъ полувывиженныхъ птицъ, братья и отецъ Юліи ушли домой. Писарь послѣдовалъ за ними, бормоча сквозь зубы стихи.

II.

Бабушка.

Домъ г-на Дидриха былъ самый видный и красивый изъ всего Зейфена. Многія изъ пространныхъ комнатъ его были почти до самаго верха загромождены разныхъ сортовъ деревянными игрушками. Эти миниатюрныя произведенія искусства предназначались для развоза по всему свѣту.

Г-нъ Дидрихъ торговалъ разнаго рода предметами, которые зейфенскіе токари выдѣлывали для дѣтей. Они заготавливали ихъ ежегодно милліонами.

Изумителенъ изобрѣтательный умъ человека, изъ простаго дерева и пестрыхъ красокъ производитъ онъ самыя разнообразныя и часто затѣйливыя вещи.

При домѣ зажиточнаго негоціанта находился садъ, съ одной стороны котораго былъ огородъ, съ другой раскидывались прекрасные цвѣтники. Въ концѣ сада стояла бесѣдка, а возлѣ нее липа, къ густому, зеленому вѣнцу которой прикреплена была деревянная лѣстница, ведущая на ея вершину. Тамъ, на досчатомъ полу, стоялъ столъ и скамейка, которые, отъ взоровъ внизу стоящаго зрителя, были закрыты сводомъ липовыхъ вѣтвей и густыми листьями.

На слѣдующее утро, послѣ срубки сосны, по дорожкамъ сада прохаживалась пожилая женщина, одѣтая безъ всякой изысканности въ платьѣ изъ дорогой матеріи. Это была мать г-на Дидриха, который, за два года передъ этимъ, лишился своей жены.

Поступъ г-жи Дидрихъ была тиха и мѣрна; но странно было видѣть, что при поворотѣ дорожекъ, шаги ея вдругъ сокращались и становились робки.

Голову она держала недвижимо прямо, руки были сложены на груди. Въ своей богатой, крѣпко накрахмаленой одеждѣ, на которой не было ни одной складочки, она походила на движущуюся статую.

Въ саду цвѣло множество прекрасныхъ цвѣтовъ, которые заслуживали обратить на себя вниманіе г-жи Дидрихъ, но они повидимому ею не замѣчались. Посторонній наблюдатель легко бы понялъ все это, заглянувши въ ея лицо. Онъ бы увидалъ, что глаза ея, прикрытые зеленымъ зонтикомъ, были слѣпы. Мужъ г-жи Дидрихъ, богатый негоціантъ, жилъ всегда въ столицѣ, гдѣ занималъ мѣсто консула иностранныхъ дѣлъ, а по смерти его г-жу Дидрихъ продолжали титуловать консульшей, — честь, которою она очень гордилась, и всячески старалась поддержать своимъ поведеніемъ. Со стороны же называли ея манеру держать себя высокомеріемъ и гордостію, слабости, которыхъ г-жа Дидрихъ и дѣйствительно была не чужда.

Какъ бы въ противоположность съ нею гуляла шестилѣтняя внучка ея Лина, рѣзвая какъ бабочка порхала она

по саду, впивая благовонный запахъ цвѣтовъ; то играла она пестрыми камешками дорожекъ, то взбѣгала по лѣстницѣ бесѣдки, то рвала маргаритки.

Уже болѣе четверти часа слѣпая продолжала свою прогулку, какъ вдругъ, услыхавъ за собою чьи-то скорые шаги, остановилась, прислушалась и спокойнымъ, полнымъ достоинства голосомъ, спросила:

— Это ты, сынъ мой Готгольдъ?

— Да, милая матушка, мнѣ надобно вамъ сообщить кой-что важное.

— И мнѣ также надобно поговорить съ тобою, сынъ мой, возразила слѣпая, конечно ты позволишь мнѣ прежде объясниться. Г-нъ Дидрихъ мужественно побѣдилъ свое нетерпѣніе, закрылъ уже раскрышіяся говорить уста и молчаніемъ своимъ выразилъ готовность повиноваться волѣ матери.

— Я сейчасъ думала, что тебѣ необходимо взять для дѣтей наставника, который бы могъ образовать ихъ прилично ихъ званію и состоянію. Училище только портитъ ихъ; посуди самъ, чему они научатся въ здѣшней школѣ, куда вмѣстѣ съ ними ходятъ простые, босоногіе ребяташки, и даже дѣти нищихъ. Я нахожу также, что и уроки чистописанія, правописанія, географіи и исторіи, преподаваемые старымъ писаремъ, дѣтямъ твоимъ не достаточны; можетъ ли имѣть понятіе о воспитаніи бывшій курьеръ.

— Но, любезная матушка! возразилъ Дидрихъ, мы огорчимъ этимъ нашего добраго школьнаго учителя и станціоннаго писаря, тѣмъ болѣе, что дѣти дѣлаютъ замѣчательные успѣхи. Я совсѣмъ не думаю объ издержкахъ; но мнѣ жаль, что школьной учитель и писарь потерпятъ отъ этого убытокъ.

— Въ подобномъ дѣлѣ надобно быть выше этого, спокойно отвѣчала консульша. Рѣчь идетъ о благѣ твоихъ дѣтей, а моихъ внучатъ. Школьный же учитель и писарь не будутъ роптать, если мы станемъ продолжать имъ плату за

уроки, хотя дѣти и не будутъ въ нихъ участвовать. Слава Богу, мы люди достаточные, насъ это не раззорить. Напиши немедленно въ столицу нашему старому знакомому, придворному проповѣднику Хелоху и попроси его доставить намъ хорошаго кандидата. Надѣюсь, дѣло этимъ и устроится. Теперь скажи, сынъ мой, что ты хотѣлъ мнѣ сообщить?

— Вообразите, матушка, какое несчастье, сказалъ Дидрихъ. Я сейчасъ получилъ извѣстіе изъ нашей конторы Бенингъ въ Нюренбергъ, что съ работникомъ извозчика, Генрихомъ Кирбахомъ, случилась бѣда. Въ трехъ миляхъ отъ Нюренберга, его нашли умершимъ подъ телѣгою, предполагаютъ, что бѣднякъ, заснувши, свалился съ повозки и былъ раздавленъ колесами. Что будетъ теперь дѣлать бѣдная жена его и дѣти?

— Мы не оставимъ ихъ, возразила слѣпая спокойно, повѣрь мнѣ, Готгольдъ, этому несчастью виною пьянство, ему всѣ извозчики подвержены.

— О, нѣтъ, матушка! вскричалъ Дидрихъ, нашъ Кирбахъ былъ прекрасный, трезвый человѣкъ.

— Мнѣ это лучше извѣстно! возразила консульша, когда передъ отъѣздомъ своимъ въ Нюренбергъ, онъ вошелъ ко мнѣ спросить, не имѣю ли я чего ему приказать, то отъ него ужасно пахло водкой.

— Тогда я самъ велѣлъ поднести ему рюмку водки, сказалъ Дидрихъ.

— Такъ изъ приличія онъ бы не долженъ былъ подходить ко мнѣ, когда отъ него пахло виномъ, строго сказала слѣпая.

— Кто возьметъ на себя печальную обязанность передать вдовѣ горькую вѣсть и свидѣтельство о смерти ея мужа? сказалъ Дидрихъ, я этого сдѣлать не въ силахъ.

— Такъ я приму на себя, возразила консульша, и печальную вѣсть улажу обѣщаніемъ всегда принимать участіе какъ въ ней, такъ и въ ея дѣтяхъ. Простые люди не такъ сильно предаются горести, какъ образованные, особенно

когда за случившеюся потерей имъ предлагаютъ удовлетвореніе.

Дидрихъ, ни слова не возражая, недовѣрчиво покачалъ головою. Мать же его напротивъ, возвыся голосъ, кликнула свою внучку Лину и велѣла ей проводить себя къ семейству Кирбахъ.

Малютка ту же минуту оставила свою игру, подала слѣпой бабушкѣ руку и вывела ее изъ сада.

Дидрихъ задумчиво посматрѣлъ вслѣдъ матери и дочери, и когда тѣ не могли его слышать болѣе, сказалъ про себя:— добрая матушка, и колодезь изсякаетъ, а тѣ времена прошли, когда бросались только на полный кошелекъ. По возможности, я постараюсь исполнить твое желаніе, говоря это, онъ возвратился домой.

Жилище г-жи Кирбахъ было самое бѣдное, оно состояло изъ двухъ комнатъ, одной большой, другой маленькой, посуда помѣщалась въ сѣняхъ, въ небольшомъ шкапѣ. Въ большой комнатѣ сидѣло семеро дѣтей, отъ шести до тринадцати лѣтъ, четверо изъ нихъ были дѣти г-жи Кирбахъ, а трое чужія, жившія съ ней въ одномъ домѣ. Всѣ они занимались благороднымъ искусствомъ живописи. Каждый изъ маленькихъ Рафаелевъ держалъ въ рукѣ по кисточкѣ, а передъ нимъ стоялъ горшечекъ клеевой краски. Они красили или лучше сказать окрашивали людей, да еще сверхъ того гусаровъ, двустороннихъ и двигающихся. У дѣтей такіе деревянные люди или гусары извѣстны подъ названіемъ *Zappel-männer*. Каждый изъ гусаръ составленъ изъ 17 деревянныхъ и двухъ бумажныхъ частей; на ихъ головахъ, съ двустороннимъ лицомъ были надѣты высокія гусарскія шапки, двойное туловище, соединенное четырьмя деревянными гвоздиками, внутри было пусто для того, чтобъ чрезъ эту пустоту всѣ члены ихъ рукъ и ногъ, также составленные изъ верхнихъ и нижнихъ частей, приводились въ движеніе. На гусарахъ съ каждой стороны было надѣто по саблѣ и по патронташу съ буквою R (Reh). Эти гусары приводятся въ движеніе су-

ровой толстой ниткою, проведенною внизъ и соединенной внутри гусара съ другими нитками, прикрѣпленными къ разнымъ членамъ.

Черезъ сколько рукъ должны были перейти эти Zappel-männer прежде нежели поступили въ раскраску, сколько труда, сколько заботы стоило ихъ сложное устройство, и не взирая на это, мудрено было найти людей дешевле и достойнѣе этихъ гусаровъ. Теперь обратимся къ ихъ окраскѣ. Шестилѣтняя Августа Кирбахъ красила лицо гусара тѣлесной краской, потомъ онъ переходилъ въ руки семилѣтняго Генриха Фальратъ, сына ихъ сосѣда. Этотъ, раскрасивши съ одной стороны туловище, руки и ноги зеленой краской, передавалъ его двѣнадцатилѣтней Каролинѣ Фольратъ, она покрывала гусарскую шапку, брови, глаза, усы, волосы и короткіе сапоги черной краской; потомъ девятилѣтній Максъ Кирбахъ проводилъ тонкой кисточкой вдоль и поперекъ всего туловища бѣлыя полосы, означающія шнуры доломана. Десятилѣтняя Генриета Фольратъ украшала его двумя рядами красныхъ пуговицъ, голову—красными щеками и губами. Осмилѣтній маленькій, толстой мальчикъ Готфридъ Кирбахъ приклеивалъ ему поперекъ бока саблю, уже окрашенную, походившую болѣе на зубочистку, нежели на оружіе. Наконецъ Христофоръ Кирбахъ довершалъ гусара, приклеивши къ нему выкрашенный красной краской бумажный пантронташъ съ буквою R такимъ образомъ, чтобъ онъ лежалъ сверхъ рукоятки сабли. Когда одна сторона гусара была готова, тогда онъ снова поступалъ въ руки юныхъ живописцевъ; его одѣвали въ мундиръ золотого цвѣта, испещренный двумя рядами зеленыхъ точекъ, середина которыхъ была ярко-красная, сабля вмѣсто черной была также красная. Патронташъ и сапоги пропускались. За это общее крашеніе игрушекъ дѣти получали по четверти пфеннига, не считая краски.

Молодые Рафаели красили такъ прилежно, какъ будто кисть горѣла въ ихъ рукахъ.

— Моя сосновая кора уже во дворѣ, говорилъ Христо-

форъ съ блистающимъ взоромъ, и свертывается на солнцѣ какъ кораца. Эхъ! еслибъ это была въ самомъ дѣлѣ кораца! Я бы продалъ ее Дидриху, онъ опускаетъ корацу въ чашу холоднаго пива съ сахаромъ, изюмомъ и ломтиками лимона, а на полученныя за нее деньги я бы купилъ батюшкѣ тулупъ, а матушкѣ теплое платье. Можетъ быть и вамъ бы что нибудь осталось. Впрочемъ, нельзя пренебрегать корою и въ настоящемъ ея видѣ; я такъ чисто ободралъ могучую сосну, что она побѣлѣла, какъ облупленный орѣхъ.

— Черезъ шесть дней, говорилъ Максъ, возвратится отецъ изъ Нюренберга и привезетъ намъ пряниковъ.

— Не жди, возразила сестра, бабушка только къ Рождеству привозитъ пряники.

Наступило молчаніе.

Въ это время консульша шла объ руку съ своей внучкой по улицамъ Зейфена. Люди, попадавшіеся ей на встрѣчу, говорили, вѣжливо кланаясь! здравствуйте, г-жа консульша.

Слышавши нѣсколько разъ эти привѣтствія, слѣпая спросила свою вожатую: снимали ли шапки люди здоровающіеся со мною?

— Только одинъ снялъ шляпу, бабушка, отвѣчала малютка, а трое другихъ этого не дѣлали.

— Невѣжи! бранила слѣпая, они думаютъ, что я не вижу, такъ и не снимаютъ своей крышки?

— Но если ты этого не видишь, сказала Лина, такъ что же тебѣ въ этомъ и пользы?

— Пользы! что пользы! говорила слѣпая съ негодованіемъ, снимать шляпы пользы не приносить, но оно показываетъ вѣжливость. Изъ вѣжливости ты не должна больше говорить мнѣ ты. Я это допускала пока ты была мала и глупа. Но такъ какъ тебѣ минуло шесть лѣтъ, то это неприлично. Говорить ты противно почтенію, которымъ обязаны бабушкѣ.

— Я хотѣла говорить тебѣ вы, если ты, если вы этого желаете, сказала плачевно Лина. Во все продолженіе осталь-

наго пути малютка не смѣла произнести ни слова, боясь проговориться и снова заслужить выговоръ отъ бабушки. Такимъ образомъ прибыли онѣ къ жилищу Кирбиха.

— Гдѣ ваша мать? спросила консульша красившихъ дѣтей, узнавши отъ внучки объ отсутствіи вдовы.

— Она моетъ бѣлье ня рѣчкѣ, что за домомъ, отвѣчалъ Христофоръ.

— Такъ позови ее, сказала слѣпая, мнѣ надобно съ ней поговорить.

Дѣти, поклонившіяся при входѣ слѣпой съ глубокой вѣжливостью, не смѣли произнести ни слова. Консульша и Лина стояли неподвижно и безмолвно, въ комнатѣ была могильная тишина. Наконецъ, Каролина Фольратъ, опомнившись, встала съ своего мѣста и подала слѣпой единственный стулъ, находившійся въ комнатѣ.

Но слѣпая отказалась сѣсть на него, сказавши: будьте осторожны, дѣти, не замажьте моего платья вашими красками и кистями.

Въ это время быстро взошла въ отворенную дверь г-жа Кирбахъ, сопровождаемая Христофоромъ.

— Поздравляю васъ съ прекраснымъ утромъ, г-жа консульша, сказала она съ видимымъ удивленіемъ, какую честь вы намъ сдѣлали вашимъ посѣщеніемъ. Говоря это, она вытирала еще мокрую отъ мыльной воды руку объ фартукъ, потомъ подала ее слѣпой, которая, слегка прикоснувшись до нее, поспѣшно отняла свою руку. Прежде нежели слѣпая начала говорить, Кирбахъ продолжала, — какъ поживаете, г-жа консульша? Здоровы ли, веселы ли вы? по вкусу ли готовятъ ваше питье и кушанье? Ахъ, Боже мой! да вы даже не предложили г-жѣ консульшѣ и стула; не прогнѣвайтесь! Дѣти не имѣютъ понятія объ обществѣ и приличіи.

— Благодарю, моя милая, я постою. Каково я поживаю? какъ и всѣ слѣпыя, которымъ отказано въ тысячахъ удовольствій.

— Богъ далъ вамъ добраго, любящаго сына, милыхъ внучать и обезпеченное состояніе.

— Это правда, отвѣчала слѣпая, но зрѣніе безцѣнно.

— Что Господь послалъ, то должны мы переносить безъ ропота, сказала Кирбахъ.

— Справедливо, отвѣчала консульша. Мнѣ пріятно слышать, что вы такъ думаете, моя милая, и васъ тоже Господь посѣтилъ печалью.

— Да, возразила Кирбахъ, бѣдность тяжела.

— Я не бѣдность разумѣю теперь, сказала консульша.— Господь возложилъ на васъ еще сильнѣйшее испытаніе, которое вы, какъ кроткая, вѣрующая христіанка, должны будете перенести.

Улыбка замерла на лицѣ г-жи Кирбахъ, на немъ выразился испугъ. Блѣднѣя, дрожащими устами она поспѣшно вскричала:

— Г-жа консульша, не случилось ли чего съ моимъ мужемъ? не занемогъ ли онъ? Какое несчастіе? Ради Бога скажите скорѣе.

— Дѣйствительно съ нимъ случилось несчастіе, отвѣчала слѣпая; за двѣ мили отъ Нюрнберга, вѣроятно сонный, онъ упалъ съ повозки и попалъ подъ колесо.

— Господи Боже мой, вскричала жена, не умеръ ли онъ?

— Онъ умеръ, сказала слѣпая торжественно.

Семь гусаровъ со стукомъ полетѣли на полъ изъ рукъ испуганныхъ дѣтей.

Кирбахъ сильно вскрикнула, сжала руки и зарыдала:— Добрый мужъ мой! бѣдный мужъ мой! ахъ мы несчастныя! о, вы мои бѣдныя дѣти!

Всѣ дѣти какъ собственныя ея, такъ и чужія, рыдая, обступили несчастную вдову. Никто, кромѣ Лины не замѣтилъ, что Христофоръ не плакалъ, не жаловался, но поблѣднѣлъ какъ смерть, пошатнулся и безъ чувствъ упалъ на грудь игрушекъ и на разбившіеся горшки съ красками.

— Что случилось? спросила слѣпая; Лина, не забрызгалось ли мое платье краской?

Дѣйствительно его забрызгало краской, особливо желтой и зеленой.

— Христофоръ, сынъ мой! вскричала вдова, стараясь поднять безчувственного мальчика. Добрый мальчикъ, какъ глубоко онъ любилъ отца своего. Дѣти! умремте, соединитесь скорѣе съ отцемъ вашимъ.

— Это не по христіански, сказала съ упрекомъ слѣпая.— Не сами ли вы сейчасъ говорили, что должно терпѣливо переносить то, что опредѣлено Господомъ?

— Ахъ, г-жа консульша! Вы не чувствуете нашей горести, возразила вдова. Онъ былъ наша радость, нашъ кормилецъ.

— Что же касается до вашего насущнаго хлѣба, даю вамъ слово, пока я и сынъ мой живы, ни вы, ни дѣти ваши не будете ни въ чемъ нуждаться: я и пришла затѣмъ, чтобы сообщить вамъ это.

— Очень благодарна вамъ, добрая г-жа консульша, сказала вдова. Но ни что въ свѣтѣ не можетъ замѣнить мнѣ мужа, а дѣтямъ отца. Опомнись, Христофоръ! Умилосердись, Господи! Бѣдный мальчикъ умереть у меня на рукахъ! Линочка, позови сюда сосѣдей, Августъ, принеси свѣжей воды.

— Пойдемъ, Лина, мы здѣсь лишніе, сказала консульша. Когда онѣ вышли въ сѣни, на встрѣчу имъ изъ нижней комнаты хлынула толпа токарей; они спѣшили на зовъ Каролины. Увидѣвши слѣпую, ремесленники почтительно разступились и дали ей дорогу

— Простой народъ безграниченъ какъ въ радости, такъ и въ горѣ, говорила про себя консульша. Лина, въ самомъ ли дѣлѣ мое платье не замарано? Мнѣ показалось, какъ будто бы на него попала краска.

— У тебя, у васъ все платье въ пятнахъ, говорила малютка.

— Я такъ и знала, съ сердцемъ вскричала консульша.

Вотъ награда за милости и снисхожденіе! А много пятенъ, Лина? Какого они цвѣта?

— Зеленаго и желтаго, сказала малютка, какъ куриная слѣпота.

— Ужасно! говорила консульша. Платье хоть брось. Лучше бы я сидѣла въ своихъ четырехъ стѣнахъ и не мѣшалась въ дѣла, которыя до меня не касаются.

III.

Погребеніе.

Г-жа Кирбахъ была неутѣшна, она горевала еще болѣе потому, что не могла видѣть не только тѣла любимаго мужа, но даже и могилы его, и что при погребеніи его не присутствовала ни одна любящая душа.

— Хотя бы могила его намъ осталась въ утѣшеніе, говорила она дѣтямъ, мы бы развели на ней цвѣты и часто посѣщали ее.

Рѣчь эта упала на плодоносную землю.

На третій день послѣ извѣстія о смерти Кирбаха представилось погребальное шествіе особеннаго рода. Дѣти, дождавшись отсутствія матери, собрались позади сосѣдняго дома, гдѣ за хворостомъ былъ у нихъ спрятанъ небольшой гробъ изъ сосновой коры. Дѣвочки обвили кору цвѣточными гирляндами, а Христофоръ поднялъ ее на руки и открылъ печальное шествіе; за нимъ слѣдовали три пары дѣтей—живописцевъ, въ рукахъ у нихъ были перевязанные чернымъ крепомъ цвѣточные вѣнки.

Тихими, мѣрными шагами дѣти приближались къ кладбищу. У воротъ кладбища ихъ остановилъ суровыми словами сторожъ.

— Что вамъ здѣсь надобно? а! собаку или кошку схоронить? Стыдно, убирайтесь, не то я заброшу вашу дрянь въ рѣку.

Пораженные этими словами дѣти остановились, и уже открыли ротъ, чтобъ объяснить сторожу въ чемъ было дѣло, какъ вдругъ ими овладѣло сомнѣніе, позволительно ли на кладбищѣ погребать мечту свою! Пораженные этой мыслию, они пошли къ ближайшему лѣсу, туда, гдѣ за четыре дня предъ этимъ была срублена сосна. И тутъ спустили свою ношу въ землю; какъ весель былъ здѣсь три дня тому назадъ Христофоръ! Такъ быстро мѣняется судьба человѣка!

Въ тихомъ воздухѣ раздались вечерніе звуки отдаленнаго колокола, скорбь о потерѣ любимаго отца стѣснила грудь Христофора. Рыдая, преклонилъ онъ колѣна на песчаный холмикъ, залился слезами, возвелъ взоры на небо и сказалъ съ чувствомъ.

— Милый, дорогой отецъ! если я когда нибудь огорчилъ тебя, прости меня, помоги мнѣ быть кроткимъ и повиноваться матери.

Другія дѣти, рыдая, повторили слова Христофора и когда наплакавшись собирались идти дальше, Каролина сказала: не пропѣть ли намъ прежде лучшую погребальную молитву?

И вотъ раздался хоръ чистыхъ дѣтскихъ голосовъ: „какъ миренъ покой вашъ души праведныхъ“—звуки разливаясь въ спокойномъ вечернемъ воздухѣ, пробуждали отдаленное эхо и отдыхающихъ пѣвцовъ лѣса, встревоженные, они глухимъ голосомъ издали нѣсколько аккордовъ.

Вокругъ дѣтей неподвижно возвышались мрачныя ели и сосны какъ безмолвные факельщики, глубокая тишина прерывалась только трепетнымъ шелестомъ березъ, да чириканьемъ кузнечиковъ, притаясь въ лѣсной травѣ, они какъ бы вторили голосу дѣтей.

Удовлетворивши потребность души, дѣти пошли въ обратный путь спокойнѣе. Едва только они отошли отъ кургана, какъ кустарникъ раздвинулся и показалась сквозь вѣтки голова станціоннаго писаря, а потомъ и весь писарь.

— Вонъ идутъ невинныя дѣти, ворчалъ онъ, а здѣсь остается старый грѣшникъ. Да, конечно, старый! Кто будетъ

нѣкогда на моей могилѣ такъ плакать и такъ набожно пѣть? Кажется слезы навернулись у меня на глазахъ? Голосъ ихъ звучалъ, какъ голосъ ангеловъ? Слышалъ ли это покойный Кирбахъ. Конечно слышалъ; зачѣмъ милосердый Господь не призвалъ къ себѣ меня безполезнаго, съ пенсіей отставнаго станціоннаго писаря, вмѣсто добраго отца семейства? Вѣрно потому, что онъ еще недостойнъ быть выпряженъ изъ ярма. Старая г-жа консульша также могла бы отправиться на тотъ свѣтъ прежде добраго Кирбаха. А она живетъ да живетъ въ тягость себѣ и своимъ ближнимъ. Вотъ олицетворенное высокомеріе при слѣпотѣ, и постоянное осужденіе ближняго. Бѣдный Дидрихъ! Навѣрное онъ давно бы выбралъ себѣ добрую хозяйку, а дѣтямъ вторую мать, еслибы не боялся, что она не уживется съ подобной свекровью. И меня тоже не слишкомъ жалуетъ старая консульша, за то и я не очень перемонюсъ съ нею. Господи Боже мой! Поздно учиться привѣтствіямъ старому солдату, станціонному писарю. А чему не научился Ваничка, того Ивану въ вѣкъ не знать.

Станціонный смотритель велъ этотъ разговоръ съ самимъ собою, стоя передъ насыпаннымъ дѣтьми курганомъ; вытащивши изъ кармана трубку, онъ сѣлъ противъ него на траву, и набивая ее табакомъ съ самодовольнымъ чувствомъ сказалъ: г-жа консульша, при всемъ своемъ богатствѣ, недовольна судьбою, о счастіи я уже не говорю; еслибъ она пользовалась и зрѣніемъ, то и тогда бы не была счастлива. Я несравненно счастливѣе ее съ своей трубкой и чистой совѣстью. Что за вкусъ! что за запахъ! говорилъ онъ, затягиваясь дымомъ. Кури г. Дидрихъ табакъ въ десятеро дороже моего, я бы и тогда не пожелалъ помѣняться съ нимъ положеніемъ, не взирая на то, что у него очень милыя дѣти.

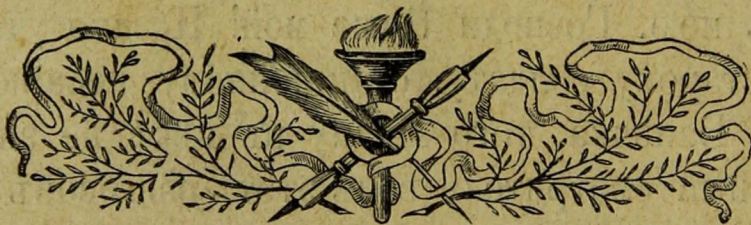
Консульша отравляетъ ему жизнь вѣчнымъ прекословіемъ и осужденіемъ каждаго. Г. станціонный писарь! раздалось въ кустарникѣ.

— Здѣсь сидитъ станціонный писарь, отвѣчалъ онъ басомъ и продолжалъ, смягчивши голосъ:—вотъ идутъ бѣло-

курые ученики мои. Когда трубка вкусна, такъ и риѣмы удаются.

Изъ-за кустарника показались два сына Дидриха, замѣтивши курганъ, въ которомъ были воткнуты двѣ сосновыя вѣтки и лежалъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, они съ удивленіемъ спросили, что это значитъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 іюля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.